

На следующий день оба кузена поднялись ни свет ни заря, раздираемые радостным возбуждением. Весенние приемы у Великой принцессы устраивались обычно для юной столичной знати — отпрысков высокопоставленных чиновников. Простым придворным купцам туда ход был заказан, так что для братьев это приглашение стало первым в жизни.

Но стоит им взглянуть на Лю Чжэньцина, который даже в экипаже продолжал безудержно зевать, как всю их радость точно смыло волной. В душе у кузенов закипела злость.

— Смотри у нас, как приедем, не вздумай опозорить семью Лю! — наставительно произнес второй молодой господин.

— Если навлечешь беду, сам-то уедешь, а нам отдуваться в Императорской столице! Понимаешь ты это или нет? — поддакнул третий.

Лю Чжэньцин лениво вертел в руках головоломку «девять колец». Не поднимая глаз, он хмыкнул:

— Неужто до вас не дошли слухи, как знатно я на днях отделал Жун Шимина? Он силой принудил нас явиться. Вы что, до сих пор не поняли, что это не весенняя прогулка, а самый настоящий званый пир с кинжалом за пазухой?

Братья лишь недовольно насупились.

— Вот и пади перед ним ниц, как приедем, да вымоли прощение, делов-то, — буркнул второй.

Лю Чжэньцин мысленно закатил глаза.

"Какое редкое малодушие."

— Что, не согласен? — прикрикнул третий.

Взгляд Лю Чжэньцина мгновенно посерьезнел. Он выпрямился, и в его голосе прозвучали суровые нотки, свойственные умудренному опытом главе рода:

— Предки семьи Лю проливали кровь за эту империю, среди них было немало великих мужей. Как же вышло, что к вашему поколению от их величия не осталось и следа? Только и умеете, что заглядывать в рот господам да ловить попутный ветер. Пусть мы придворные купцы, но гордость рода Лю должна быть у вас в крови! Если завтра грянет буря, как вы собираетесь держать удар?

Слова эти, произнесенные с непреклонным авторитетом истинного старейшины, заставили братьев онеметь. Лица их залила густая краска стыда, они лишь беспомощно хлопали глазами,

не находя слов для ответа.

Чтобы род процветал в веках, каждое новое поколение должно пройти сквозь горнило испытаний. Но большинство семей со временем погрязают в праздности и роскоши, неотвратимо угасая. Семья Хо была счастливым исключением: их юноши из века в век отправлялись на поля сражений, закаляя дух и храня верность воинскому долгу.

Что же до семьи Лю... Когда-то недоброжелатели пророчили угасание резиденции Шоуаньхоу из-за скудости наследников. Тогда дед хвастливо заявлял на всю столицу, что пока жив Лю Чжэньцин, величие рода продлится еще сотню лет. Увы, стоило старику отойти в мир иной, как внук умудрился пустить резиденцию по ветру.

Глядя на этих двоих, не способных здраво оценить обстановку и привыкших лишь пресмыкаться перед сильными да помыкать слабыми, Лю Чжэньцин со вздохом покачал головой. Если будущее семьи Лю зависело от этих юнцов, то гибель ветви была лишь вопросом времени.

Вскоре экипаж остановился у ворот поместья Великой принцессы. Сойдя на землю, братья замерли перед величественным ансамблем зданий, укрытых за высокими красными стенами под золотистой черепицей. Резные карнизы крыш круто взмывали к небу, напоминая крылья готовых взлететь фениксов. Каждая деталь — от расписных балок до узорчатых колонн — дышала роскошью и величием.

Над алыми лакированными воротами висела вывеска с начертанными рукой нового императора иероглифами: «Поместье Великой принцессы». Вход охраняли два белоснежных льва из чистейшего ханьбайюйского мрамора, а массивные золоченые кольца в пастях бронзовых чудищ лишь подчеркивали богатство владелицы.

Если не считать вдовствующую императрицу и вдовствующую супругу императора, Великая принцесса являлась третьей по значимости женщиной в Великой Чжоу, затмевая своим влиянием даже нынешнюю императрицу. И все благодаря тому, что в свое время эти три женщины приложили нечеловеческие усилия, чтобы благополучно вернуть Нового императора в столицу и возвести его на престол. Монарх не забыл их верности и щедро вознаградил спасительниц.

Оттого никто в Поднебесной не смел и слова сказать против вызывающей роскоши дарованного ей дворца.

Даже кузены, выросшие в богатстве среди шелков и золота, невольно разинули рты от изумления.

— Эй вы там! Дорогу освободите! Нечего тут торчать! — внезапно раздался наглый, визгливый окрик.

Площадь перед помещьем была огромной, гости прибывали непрерывным потоком, и братья стояли в стороне, ничуть не мешая проходу.

Обернувшись, Лю Чжэньцин увидел тех, кого и ожидал встретить.

На душе у него мгновенно потеплело от предвкушения забавы. Расплывшись в широкой улыбке, он приветливо помахал им рукой:

— Какая встреча! Снова не разлей вода? Сердце радуется, глядя на ваш союз!

Эти слова тут же привлекли внимание других гостей. Слухи о недавнем скандале в ресторане давно разлетелись по столице, так что прохожие принялись с любопытством переглядываться. Спутница Жун Шимина, девица Цзян Цзыэр, мгновенно переменилась в лице. Памятуя о прошлом уроке, она лишь одарила Лю Чжэньцина ледяным, полным ненависти взглядом и поспешила пройти мимо, не проронив ни слова.

Лицо Жун Шимина на миг исказилось от злости. Он решительно зашагал к воротам. Дворецкий и слуги тут же склонились перед молодым господином, приветствуя родственника хозяйки. Однако Жун Шимин не спешил входить. Он остался стоять у входа, делая вид, будто помогает встречать гостей. Но стоило троице членам семьи Лю приблизиться к дверям и протянуть приглашение старшему слуге, как Жун Шимин во весь голос прокричал:

— А ну стоять! Кого вы тут вздумали провести этой фальшивкой? С какой стати Великой принцессе зазывать к себе жалкое купеческое отродье? Решили просочиться на благородный прием под видом гостей, чтобы выслужиться перед знатью? Какое бесстыдство!

Каждое его слово хлестало по лицу братьев Лю не хуже звонкой пощечины.

Кузены мгновенно вспыхнули от стыда и обиды. Потеряв самообладание, они бросились вперед, пытаясь оправдаться:

— Молодой господин Жун, вы, верно, ошиблись! Как оно может быть поддельным? Прошу вас, взгляните еще раз!

— Вот именно! Наше приглашение точь-в-точь как у всех остальных!

Жун Шимин лишь презрительно хмыкнул:

— Ошибся? Я? Не смешите меня. Дворецкий, ну-ка скажи им! Настоящая это бумага или фальшивка?

Старый слуга бросил быстрый взгляд на Жун Шимина, затем перевел взор на пригласительную

карточку в своих руках и бесстрастно произнес:

— Действительно, фальшивка.

Эта сцена тут же привлекла внимание праздной толпы. Гости замедлили шаг, шепчась и посмеиваясь.

Лица братьев Лю из пунцовых стали багровыми от ярости.

— Но ведь управляющий из вашего поместья лично привез его нам! При нем был пропускной жетон, мы сами видели! Как тут можно ошибиться?

— Да-да, вы же сами вчера на рассвете пожаловали к нам в усадьбу и вручили...

— Молчать! — прикрикнул Жун Шимин, пользуясь своим положением. — Как смее вы устраивать непотребный шум у ворот поместья Великой принцессы!

Старый дворецкий сухо кашлянул в кулак:

— Приглашение поддельное, мы никого из вас не звали. Впрочем, если почтенные молодые господа Лю согласятся подождать здесь, у ворот... Когда все благородные гости соберутся и если внутри останутся свободные места, я, так и быть, доложу Великой принцессе. Возможно, Ее Высочество смиростивится и впустит вас.

Ждать у ворот, словно бродячие собаки... Да еще признать, что они явились по фальшивым бумагам, пытаясь пролезть на чужой пир... Это было неслыханным унижением! Но если уйти прямо сейчас, завтра же вся столица станет тыкать в них пальцами и покатываться со смеху.

Братья окончательно растерялись, не зная, что предпринять. И в этот самый миг из-за их спин раздался спокойный голос Лю Чжэньцина, который до этого лишь молча наблюдал за комедией.

— Братья мои...

Едва Лю Чжэньцин подал голос, Жун Шимин задрал подбородок, глядя на него свысока со злорадным торжеством.

— Нам здесь делать нечего, уходим, — ровным тоном произнес Лю Чжэньцин.

Второй и третий молодые господа в ярости уставились на него. Они прекрасно понимали, что вся эта травля устроена лишь ради того, чтобы поквитаться с Лю Чжэньцином, и вся вина

за их позор лежала на нем.

— Что такое? Поняли, что обман не удался, и решили убратся восвояси? — глумливо бросил Жун Шимин под тихий смех зевак. — Да ладно вам, подождите на пороге, вдруг повезет проскочить!

Лю Чжэньцин лишь слегка изогнул губы в издевательской усмешке:

— С чего бы нам возвращаться домой? Раз случилось такое беззаконие, наш долг — немедленно отправиться в столичную управу и подать жалобу лично префекту!

У ворот поместья мгновенно воцарилась гробовая тишина. Десятки глаз уставились на него в изумлении и недоумении. Никто не ожидал подобного поворота. Лишь один молодой господин в белоснежном халате, стоявший неподалеку, тихонько рассмеялся и с живым интересом принялся разглядывать смельчака.

Жун Шимин вытаращил глаза, не веря собственным ушам:

— Да ты... ты хоть понимаешь, что несешь?!

Лю Чжэньцин дерзко улыбнулся и одним резким движением вырвал приглашение из рук опешившего дворецкого.

— При ясном свете дня, прямо под боком у Сына Неба, находятся мерзавцы, дерзнувшие прикрыться именем Великой принцессы! Подделка приглашений и указов членов августейшей семьи — это государственная измена, преступление, караемое смертью! Коль скоро мы столкнулись с подобным злодеянием, где гарантия, что эти фальшивки не связаны с недавним покушением на императора? Оставлять такое без внимания — преступный сговор! Управа обязана провести строжайшее расследование и докопаться до истины!

Его голос гремел на всю площадь — твердый, властный, не допускающий возражений. Схватив растерянных братьев за рукава, он уверенно развернулся к карете.

Свидетели этой сцены опешили. Пустяковая шалость в один миг разрослась до масштабов заговора против трона! Жун Шимин и старый слуга мгновенно покрылись холодным потом.

— Молодой господин Лю, постойте! Молю вас, задержитесь на мгновение, дайте мне взглянуть еще разок! — взмолился старый дворецкий, увязая в полах собственного парадного халата и спеша вдогонку.

Но Лю Чжэньцин лишь прибавил шагу:

— Уважаемый дворецкий, передайте Ее Высочеству, чтобы она не беспокоилась. Мы делом докажем свою преданность престолу и поможем следствию допросить каждого причастного. Мы выясним, кто изготовил этот подложный документ и чьи руки доставили его в наш дом! Ни один заговорщик не уйдет от ответа!

В юности Лю Чжэньцин славился своим буйным и заносчивым нравом. Он умел перевернуть все с ног на голову и выйти сухим из воды, даже будучи кругом виноватым. Что уж говорить о ситуации, когда правда была целиком на его стороне! Оказавшись в теле безвестного Лю Сяочжу, он окончательно сбросил оковы приличий. Глупцы сами загнали себя в ловушку, и лишиться себя удовольствия поиграть с ними он просто не мог.

Дворецкий бежал так прытко, что запнулся и ничком растянулся прямо у ног Лю Чжэньцина. Тот с наигранным изумлением остановился. Жун Шимин к этому моменту окончательно осознал, какими последствиями грозит ему эта судебная тяжба, и застыл как вкопанный, глядя на Лю Чжэньцина со смесью ужаса и ярости.

— Почтенный дворецкий, к чему такие церемонии? Зачем падать ниц? — едва сдерживая смех, спросил Лю Чжэньцин.

— Полно вам, молодой господин Лю, не спешите... Дайте старику приглядеться как следует. Будет нехорошо, коли выйдет ошибка. Старый раб в последнее время совсем заездился, глаза подводить стали, хе-хе... — Старик натужно улыбнулся, отчего его лицо сморщилось, точно сушеный плод. Кое-как поднявшись, он дрожащими руками забрал приглашение и тут же во всеуслышание заголосил: — Ох, прегрешение-то какое! Прошу прощения у троих молодых господ! Старый дурак совсем ослеп! Приглашение-то самое настоящее, просто это особый, почетный список, оттого и бумага немного отличается от обычной. Моя вина, моя оплошность! Не держите зла, милостивые господа, прошу вас, проходите скорее внутрь!

Кузены Лю просияли от радости. Кто бы мог подумать, что дело обернется столь блистательной победой! Мало того, что их честное имя было отмыто, так еще и сам дворецкий усадьбы рассыпался перед ними в извинениях на глазах у всей столичной знати. Теперь они косились на кузена со странным, смешанным чувством неловкости и невольного уважения.

Однако Лю Чжэньцин не спешил облегчать им жизнь:

— Полноте, достопочтенный. Вы точно уверены? С такими вещами не шутят, дело-то государственной важности.

— Точно, точно, на сей раз разглядел до последнего знака! — без умолку лебезил дворецкий, мысленно проклиная все на свете. Кто бы мог подумать, что изнеженный дуралей и похотливый пустозвон, чьими похождениями потешался весь город, окажется столь изворотливым и опасным противником? Знал бы старик, с кем связывается, ни за что бы не стал потакать прихотям молодого господина Жуна.

Лю Чжэньцин, разумеется, с самого начала раскусил их уловку и понял, что приглашение

подлинное. Коли бы оно действительно оказалось фальшивкой, игра вышла бы куда более забавной.

— И все же, молодой господин Жун приходится Великой принцессе двоюродным братом, — протянул Лю Чжэньцин, лукаво прищурившись. — Он ведь так уверенно кричал о подделке. Кому же мне верить? Вашим слепнущим глазам, почтенный дворецкий, или же зоркому оку господина Жуна?

Эти слова обожгли лицо Жун Шимины не хуже раскаленного железа.

К этому моменту ни у кого из собравшихся не осталось сомнений в том, что здесь произошло. Толпа с плохо скрываемым злорадством разглядывала незадачливого обидчика, ставшего жертвой собственного коварства.

Прежде в столице шептались, будто Лю Чжэньцин сумел дать отпор Жун Шимину лишь благодаря заступничеству генерала Хо Фэнле и Хэ Ланя. Теперь же очевидцы воочию убедились: потерявший память наследник семьи Лю и сам за словом в карман не лезет. Несколько фраз — и спесивый барчук повержен в прах.

Положение Жун Шимины стало поистине отчаянным.

Дворецкий покосился на молодого господина. Понимая, что тот ни за что не снизойдет до извинений перед безродными купцами, слуга поспешил уладить дело миром:

— Наш молодой господин редко видит подобные грамоты, оттого и ввел себя в заблуждение незначительным отличием. Умысла в его словах не было. Прошу почтенного господина Лю проявить великодушие и предать это недоразумение забвению.

— Достопочтенный дворецкий, дело вовсе не в нашем великодушии, — мягко, но настойчиво возразил Лю Чжэньцин. — Незнание не дает права бросаться столь тяжкими обвинениями. Пусть мы всего лишь торговцы, но мы верные подданные Великой Чжоу, живущие по закону. Пятнать наше имя грязными подозрениями без всяких на то оснований — это прямой позор. Нам нанесли незаслуженную обиду, и господин Жун даже не пытается это сгладить.

Намек был более чем прозрачен: без личных извинений Жун Шимины этот скандал не утихнет.

Братья Лю, видя, как накаляется обстановка, испуганно потянули кузена за рукав, умоляя прекратить, пока не поздно. Но Лю Чжэньцин лишь одарил их коротким, ледяным взглядом. В этом взоре скользнуло такое властное величие старшего в роду, что кузены мгновенно притихли, не смея пикнуть.

Пренебрежительный тон Лю Чжэньцина окончательно вывел Жун Шимины из себя. Теряя остатки благоразумия, он взвился:

— Да я сознательно выставил вас дураками! И что вы мне сделаете?!

На лице Лю Чжэньцина проступила суровая холодность:

— Вот оно как. Значит, умысел все-таки был. Получается, Великая принцесса оказала нам милость и соизволила пригласить в свое поместье, однако господин Жун пренебрег ее волей и по собственной прихоти поправил авторитет августейшей кухни, не допустив нас на порог. Какое поистине безграничное всевластие в Императорской столице! Что ж, раз воля господина Жуна весит больше воли самой хозяйки дома, мы не смеем перечить. Прощайте!

Толпа дружно ахнула. Повесить на заносчивого юнца обвинение в неуважении к власти Великой принцессы и самоуправстве — это был сокрушительный удар! Лицо Жун Шимина искажилось от непереносимой злобы.

Старый слуга коршуном бросился наперерез Лю Чжэньцину, уже заносившему ногу над подножкой кареты. Коли эта история дойдет до ушей хозяйки, головы полетят у всех — и у Жун Шимина, и у него самого. Правда была целиком на стороне купцов, и спорить с этим было бессмысленно.

— Молодой господин Жун! — жалобно взмолился дворецкий, оборачиваясь к барчуку. — Полно вам дурачиться, молодецкая забава и только! Зачем же ссориться по пустякам? Они ведь желанные гости Ее Высочества, негоже выказывать им неуважение. Полно вам, господин Жун!

Жун Шимина едва не хватил удар от удушающей злобы. Но даже его скудного ума хватило, чтобы понять: дело принимает скверный оборот. Дрожа всем телом, он процедил сквозь зубы:

— То была лишь невинная шутка, а господин Лю сразу изволил раздуть пожар. Какой вспыльчивый нрав.

— Защита собственного достоинства не имеет ничего общего со вспыльчивостью! — отрезал Лю Чжэньцин, продолжая бурить его непреклонным взглядом.

Жун Шимин едва не раскрошил зубы от ярости, его глаза налились кровью. Под прицелом десятков насмешливых взглядов он наконец выдавил из себя сквозь плотно сжатые челюсти:

— Я ошибся. Приношу свои извинения трем господам Лю. — Однако его взор кричал яснее всяких слов: «Ну погоди, тварь, ты мне за это ответишь!»

Сказав это, он круто развернулся и скрылся в воротах поместья, не в силах более выносить позора.

Дворецкий поспешил рассыпаться в слащавых приветствиях, и братья Лю наконец беспрепятственно ступили на территорию поместья.

В то время как Лю Чжэньцин преспокойно шествовал по дорожкам, лениво любуясь изящными павильонами, живописными прудами с кувшинками и диковинными цветами, его кузены медленно приходили в себя. Их спины взмокли от холодного пота.

— Лю Сяочжу, ты в своем уме?! — испуганно зашептал второй брат. — Ты же их смертельно обидел!

— Мы же просили тебя не лезть на рожон! Как ты мог... — подхватил третий.

Лю Чжэньцин сокрушенно вздохнул:

— Они и так собирались втоптать нас в грязь на глазах у всей столицы. Если бы мы проглотили эту обиду, нас бы заживо сожрали. Коль скоро враг все равно намерен нанести удар, глупо подставлять шею под топор. Защищаться нужно до последнего вдоха.

Братья снова замолчали, не найдя веских доводов против его железной логики. Они лишь молча наблюдали за тем, как кузен с любопытством рассматривает великолепный сад и вдруг, нагнав услужливо семенившего впереди дворецкого, небрежно спрашивает:

— Скажи, почтенный, а генерал Хо и господин Хэ сегодня почтят прием своим присутствием?

Кузены синхронно скривились от отвращения, решив, что их непутевый родственник опять принялся за старое. Однако старый слуга посмотрел на Лю Чжэньцина весьма странным, проницательным взглядом.

— Высокопоставленные господа заняты государственными делами и редко удостоивают своим присутствием подобные празднества, — вкрадчиво ответил старик. — Однако сегодня среди гостей будут и иные весьма примечательные лица.

Лю Чжэньцин мысленно согласился с его словами. Их последняя встреча с Хо Фэнле прошла, мягко говоря, натянуто, так что перед отъездом из столицы видеться им действительно не стоило. К тому же сегодня на приеме явно готовилась какая-то каверза, а Лю Чжэньцин, при всей своей толстокожести, обладал каплей гордости и совсем не желал, чтобы преданный пес Эрдогу застал его в неловком положении.

Но вот выражение лица старого дворецкого показалось ему весьма занимательным. Тот изо всех сил старался сохранить бесстрастный вид, однако в глубине его глаз явно читалось тщательно скрываемое, предвкушающее злорадство.